

Атрощенко Инна Геннадьевна

АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ "ДИСКУРС" В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается проблема сложности и многогранности понятия "дискурс". В этой связи рассматриваются некоторые типичные для современной лингвистики дефиниции данного понятия. Автор анализирует определения дискурса, при этом считает наиболее удачными те, в которых отношения понятий "текст" и "ситуация" являются гипонимическими по отношению к общему гиперониму "дискурс".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 26-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Атлас А. З.** Сказка как объект реинтерпретации // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сб. трудов. СПб., 2015. С. 93-96.
4. **Беньямин В.** Озарения / пер. Н. М. Берновской, Ю. А. Данилова, С. А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. 376 с.
5. **Каллер Дж.** Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Астрель, АСТ, 2006. 158 с.
6. **Левин Ю. И.** Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 822 с.
7. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 480 с.
8. **Олкер Х. Р.** Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. статей / общ. ред. В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 408-440.
9. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 364 с.
10. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. Л.: Наука, 1969. 168 с.
11. **Ревзин И. И.** К общесемиотическому истолкованию трёх постулатов Проппа: анализ сказки и теория связности текста // Типологические исследования по фольклору: сборник статей. М.: Наука, 1975. С. 77-91.
12. **Сегал Д. М.** О связи семантики текста с его формальной структурой // Poetics: poetyka, poetika. Warsaw, 1966. Vol. 2. P. 15-44.
13. **Трубина Е. Г.** Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 103 с.
14. **Bremond С.** Le message narrative // Communications. 1964. № 4. P. 4-32.
15. **Carter А.** The Language of Sisterhood // The State of the Language / ed. by L. Michaels and C. Ricks. Berkeley – Los Angeles, 1980. P. 226-234.
16. **Chatman S.** What Novels Can Do that Films Can't (and Vice Versa) // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 121-140.
17. **Cox M. R.** Cinderella: Three Hundred and Forty-Five Variants of Cinderella, Catskin, and Cap o'Rushes. London: The Folk-lore society, 1893. 632 p.
18. **Hearne В.** Beauty and the Beast: Visions and Revisions of an Old Tale. Chicago – London: The Univ. of Chicago Press, 1989. 247 p.
19. **Kroeber K.** Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times. New Brunswick – New Jersey: Rutgers Univ. Press, 1992. 255 p.

CULTURAL MEMORY: FAIRY TALE AS A MECHANISM TO STORE AND TRANSFER INFORMATION

Atlas Anna Zalmanovna, Ph. D. in Philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
anna_atlas@mail.ru

The article examines a fairy tale as a mechanism to store and transfer information of ethical, practical, etc. nature within the framework of the general theory of culture memory. The story being told in a fairy tale performing the communicative function alongside with the esthetic presents itself a structure containing a layer of autonomous content. Thanks to the semantic invariant the story valuable for the individual psychics can be retold many times by adaption for the adult/children's audience regardless of the material channel of information transfer which promotes its survival.

Key words and phrases: cultural memory; fairy tale; semantic invariant; material channels of information transfer; narration.

УДК 8

Филологические науки

В статье рассматривается проблема сложности и многогранности понятия «дискурс». В этой связи рассматриваются некоторые типичные для современной лингвистики дефиниции данного понятия. Автор анализирует определения дискурса, при этом считает наиболее удачными те, в которых отношения понятий «текст» и «ситуация» являются гипонимическими по отношению к общему гиперониму «дискурс».

Ключевые слова и фразы: дискурс; определение; дефиниция; коммуникативное явление; коммуникативная ситуация; речь; текст.

Атрощенко Инна Геннадьевна

Дальневосточный федеральный университет
trouillefou@mail.ru

АНАЛИЗ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПОНЯТИЯ «ДИСКУРС» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ©

Дискурс – это сложное понятие, изучению которого на протяжении второй половины XX в. посвятили себя многие ученые, работавшие в сферах философии, социологии, психологии, лингвистики и т.д. Бурное развитие научных областей, так или иначе связанных с вопросами дискурса, привело к значительному расхождению мнений внутри научного сообщества.

На данный момент не существует унифицированного определения дискурса, так же, как и нет единого подхода к его изучению. Так о сложившейся ситуации пишут Л. Дж. Филипс и М. В. Йоргенсен в работе

«Дискурс анализ. Теория и метод»: «Нет единого мнения относительно того, что такое дискурс, и как его анализировать» [15, с. 17]. Практически то же самое отмечает и О. Л. Михалёва в курсе лекций «Дискурс как объект исследований»: «В современной науке под дискурсом понимается практически все, что угодно» [14]. Она, как и другие ученые, критикует тот факт, что, не обращая внимания на огромное количество способов, которыми можно данное понятие интерпретировать, многие из исследователей вовсе не считают нужным оговаривать свое понимание термина. Автор курса лекций «Дискурс как объект исследования» отмечает, что подобная небрежность при работе с ключевыми для исследования сущностями приводит к тому, что читатель вынужден генерировать их значение самостоятельно, что не всегда приводит к положительному результату: «...далеко не всегда синтез фоновых знаний и конкретного контекста приводит к однозначному пониманию того, что стоит за таинственным словом “дискурс”» [Там же].

Таким образом, поскольку определение исследуемого явления имеет первостепенную важность для научного исследования, но далеко не всегда отдельно оговаривается исследователями, в данной работе мы считаем необходимым рассмотреть некоторые из определений понятия «дискурс», сложившихся в современном лингвистическом сообществе и проанализировать, насколько данные определения соответствуют сложной и многогранной природе исследуемого явления.

ДИСКУРС (фр. *discourse*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* 'бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор'), речь, процесс языковой деятельности; способ говорения [5].

Сам термин дискурс обрел популярность благодаря французским философам – деконструктивистам, таким как Фуко и Деррида. Мишель Фуко (1926-1984) – философ, в своих работах рассматривавший темы разнообразных и нетипичных, включая такие как область дискурсивных практик, после ранних работ прослыл структуралистом. Сам он отрицал свое отношение к структурализму, считая себя постструктуралистом. Говоря о взаимоотношениях структурализма и постструктурализма в его работах, можно отметить, что «Археология знания» отличается от «Слов и вещей» именно тем, что в ней М. Фуко предпринял попытку отойти от структурализма, но, одновременно с этим, объявил предметом своего исследования «чистый» дискурс, опуская его субъекты. Интересом философа становится выявление структур, свойственных самому дискурсу, а поиск неких универсальных истин, независимых от субъектов, является все же прерогативой структурализма.

В своих работах М. Фуко предложил ввести дискурс в качестве автономной сферы, сферы «независимой, самодостаточной и саморегулируемой инстанции, первичной по отношению ко всем прочим практикам и в определенном смысле ими управляющей» [6, с. 12-15].

В работе «Археология знания» М. Фуко определяет дискурс как «совокупность высказываний, принадлежащих к одной системе формаций» [16, с. 167], где формация – это правила применения (а вместе с тем и существования, удержания, изменения и исчезновения) в перераспределении дискурсивных практик [Там же, с. 59]. Он называет дискурс «динамическими единицами мира культуры» [Там же, с. 167] и практикой в противоположность простой совокупности знаков.

Однако подобное понимание термина никогда не было единственным. В языкознании существует большое количество определений дискурса. Причиной подобного множества является многогранная природа понятия и разнообразие к подходам его описания. Отличительной чертой данного понятия для русскоязычных лингвистов, как отмечает О. Л. Михалёва, является невозможность «раскрыть его значение через анализ его логико-понятийной структуры и его расширенное применение» [14].

Можно считать, что начало абсолютно противоположным трактовкам единого понятия было положено в 1950-е гг., когда два исследователя, Эмиль Бенвенист и Зеллиг Харрис практически одновременно выбрали термин «дискурс» для обозначения разных объектов исследования [Там же]. Зеллиг Харрис, американский исследователь, в 1952 г. публикует статью «Discourse analysis», в которой приводит свое определение дискурса. З. Харрис понимает дискурс исключительно как «последовательность высказываний, отрезок больший, чем предложение» [20, р. 23]. В современной лингвистике подобное определение можно было бы подвергнуть критике на основании его чрезвычайной узости. Так, исходя из данного определения, исследователь может задаться закономерными вопросами: будет ли считаться дискурсом единственное высказывание? А последовательность высказываний, равная предложению? Кроме того, данное определение, как и определение дискурса по М. Фуко, можно также критиковать за его одномерность: рассматривая объект с формальной точки зрения, ученый полностью опускает фактор «человека говорящего», который, однако, является ключевым звеном в современном понимании природы существования и функционирования языка. Но кроме Харриса в 50-е годы XX в. еще один известный исследователь-языковед занимался проблемой дискурса. Эмиль Бенвенист разрабатывал теорию высказывания, в которой применил термин *discours*, традиционный для французской лингвистики; в новом значении под дискурсом он понимал некую характеристику «речи, присваиваемой говорящим» (Дискурс – это такой эмпирический объект, с которым сталкивается лингвист, когда он открывает следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим) [14]. Данное определение также оперирует достаточно формальными категориями; так, в отождествлении дискурса с эмпирическим объектом легко просматривается метафора механистической онтологии, оперирующей инструментарием популярной и «самой научной» из наук на тот момент времени, т.е. физики. Это делает данное определение весьма противоречивым с точки зрения современных исследователей, однако оно впервые вводит понятие человека, присваивающего язык и оставляющего свои индивидуальные следы в высказывании, чем открывает новое поле для лингвистических исследований. Так, дискурс как «последовательность высказываний» и дискурс как «экспликация говорящего в высказывании» закрепляются в лингвистике, создавая одну из ключевых проблем в понимании и интерпретации термина.

В настоящее время понятие «дискурс» трактуется множеством зачастую противоречащих друг другу способов. Более подробно проиллюстрировать сложившуюся ситуацию можно взглянув на определения с позиции терминоведения. Анализ определений термина в работах таких исследователей как О. С. Ахманова, А. С. Герд, В. П. Даниленко и др. позволяет заключить, что любой термин имеет родовой и видовой признаки, где родовой признак отвечает за «отнесение термина к классу лексических единиц естественного языка», а видовой за «определение специфики термина в обозначении им понятия или предмета специальной сферы деятельности» [12, с. 9]. Ниже мы приведем некоторые типичные определения дискурса, разбив их в соответствии с данными признаками (см. Табл. 1).

Таблица 1

Автор	Родовой признак	Видовой признак	Дополнительная информация
В. В. Красных (2001:200-201)	проявление речевой деятельности	в разговорно-бытовой речи	без особого речевого замысла
С. Слембрук (2001)	связная речь или письменные документы	естественно проявляющиеся	–
Р. Якобсон (1999: 852-868)	обмен высказываниями	при котором происходит двусторонний ряд речевых событий, где участники будут постоянно меняться ролями адресата и адресанта, оставаясь внутри своих социальных и ритуальных ролей и установок	при таком характере речевого события характерны не только расшифровка (декодирование) информации при неизбежной доле её расширения или сужения, но и устойчивая обратная связь, ведущая к наиболее полному декодированию
Дж. Фиск (1987)	социальная система репрезентаций (термины, понятия, законы)	организованная, чтобы производить и обмениваться значениями на определенную тему	
Т. А. ван Дейк (1989:46)	письменный или речевой вербальный продукт	коммуникативного действия.	
Р. А. Каримова (1991:8)	сложное коммуникативное явление	включающее наряду с текстом внеязыковые факторы	которые влияют на его производство и восприятие
А. Е. Кибрик (1987:41)	коммуникативная ситуация	включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст	
В. И. Карасик (2000:5)	текст	погруженный в ситуацию общения	
Н. Д. Арутюнова (1990:136)	связный текст	в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами	взятый в событийном аспекте
В. Е. Чернявская (2001:14)	коммуникативное событие	осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве	
В. С. Григорьева (2007:11)	лингвистическая единица общения	отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия, б) участников социального взаимодействия, в) социальные нормы и конвенции, г) культурологические представления и формы	

В приведенной выше таблице мы можем увидеть, что точки зрения исследователей на природу явления расходятся уже на стадии определения того, к какому классу лексических единиц следует отнести дискурс. Так, определение В. В. Красных [10, с. 200-201], в котором дискурс понимается как речевая деятельность исключительно в разговорно-бытовом моменте своего существования, выглядит видовым по отношению к определению С. Слембрука [Цит. по: 2], в которое он также включает и «письменные документы», что порождает вопрос о том, как соотносятся между собой три таких понятия, как **речь**, **текст** и **дискурс**.

Определение Р. Якобсона [18] отходит от разделения дискурса на письменную и устную речь (потому что обмен высказываниями, при котором происходит двусторонний ряд речевых событий, может оказаться и некой деловой перепиской и обменом письмами с родственником). Вместо этого читателю предлагается поразмыслить над вопросом, является ли дискурсом односторонний ряд речевых событий, при котором участник не будет меняться ролями адресата и адресанта, по весьма прозаической причине непосредственного отсутствия непосредственного слушателя, оставаясь при этом внутри своих социальных и ритуальных ролей и установок. Другими словами, является ли дискурсом монолог, и, в целом, каково отношение таких понятий как **монолог**, **диалог** и **дискурс**.

И определение Р. Якобсона, и определение В. В. Красных, в той или иной степени, концентрируются на диалогичности дискурса. В определениях подобного плана подчеркивается, что только такой процесс, при котором происходит двусторонний ряд речевых событий, где участники постоянно меняются ролями адресата и адресанта, может пониматься как дискурс, что приводит читателя к традиционному противопоставлению монолога и диалога. Рассматривая этот вопрос, следует сказать, что подчеркнутая оппозиция данных понятий «абсолютно условна» [13, с. 58]. Дискурс, как и любой коммуникативный речевой акт, предполагает наличие двух участников – говорящего и слушающего. При этом они могут меняться ролями, что и позволяет нам говорить о диалоге. Если же на протяжении дискурса роль говорящего выполняется одним и тем же человеком, такой дискурс считается монологом. В данном случае в корне неверно будет утверждать, что монолог – это дискурс с единственным участником, т.к. он все равно обращен к кому-то, некоему слушающему, ради которого и создается сообщение, будь то непосредственно присутствующий, но немногословный собеседник или человек, который прочтет сообщение через большой промежуток времени. Таким образом, монолог – это просто частный случай диалога. При исследовании дискурса ученые концентрируют внимание в основном на социокультурных и диалогичных формах общения, но и монолог, и диалог вполне возможно рассматривать именно с подобной точки зрения. Таким образом, рассматриваемые выше определения понятия «дискурс» можно также характеризовать, как редуцирующие сущность исследуемого явления, т.е. не содержащие в себе необходимый минимальный набор черт, описывающих определяемое понятие.

В дефиниции Дж. Фиска дискурс предстает как «социальная система репрезентации (н-р, термины, понятия, законы), специально организованная, чтобы производить и обмениваться значениями на определенную тему» [19, р. 48]. Противоречие данного понимания заключается в том, что дискурс, рассматриваемый с позиции коммуникативного подхода, никак нельзя приравнять к системе репрезентаций, используемой для обмена какими-либо значениями. Дискурс, по сути своей, и есть обмен значениями. То есть, определение Фиска является ярким примером парадокса, при котором понятие языка как деятельности, ключевое для исследований в русле современной лингвистики, путается с понятием языка-инструмента, лишь одного из вспомогательных, а не ключевых механизмов функционирования человеческого социума.

Наибольший интерес представляют определения, данные в русле коммуникативно-деятельностного подхода:

«Дискурс – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия» [4, с. 46];

«Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие» [8, с. 8];

«Дискурс – это коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст» [9, с. 41];

«Дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» [7];

«Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136];

«Дискурс – это коммуникативное событие, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [17, с. 14].

Мы считаем подобные определения более адекватными по той причине, что все они содержат некий акт коммуникации как основополагающий фактор существования дискурса и не сужают объем определяемого понятия. Дискурс в данных определениях понимается не просто как устная речь или обмен высказываниями, т.е. диалог, но как нечто, напрямую связанное с коммуникацией. Однако это не снимает некоторых противоречий относительно того, чем именно является исследуемая сущность.

Так, с одной стороны, дискурс понимается как некий продукт коммуникативного действия, то есть текст; с другой, – дискурс рассматривается как коммуникативная ситуация или коммуникативное событие само по себе. Однако чтобы понять, существует ли противоречие между двумя данными точками зрения, необходимо рассмотреть вопросы противопоставления дискурса иным сущностям, возникшие ранее.

Согласно М. Л. Макарову, соотношение понятий дискурс, текст и речь дискутируется давно и с неизменным интересом [13, с. 57]. Существует несколько точек зрения на взаимоотношение данных понятий. Первую точку зрения ярко иллюстрирует определение дискурса В. В. Красных, исходя из которого следует отграничивать устный дискурс от иных сущностей. Традиционно, сущностью, от которой следует отделять устный дискурс, выступает письменный текст. Столь формальный подход подразумевает, что нечто сказанное является дискурсом, а нечто написанное – уже нет. Однако зачастую подобное разграничение просто не имеет смысла, поскольку многие коммуникативные события можно рассматривать одновременно с обеих точек зрения. Более того, практически любой текст можно произнести, а любую человеческую речь – транскрибировать. А имея доступ к экстралингвистическому контексту коммуникативного акта, как устного, так и письменного, можно с одинаковой точностью реконструировать и проанализировать получившийся дискурс.

Осознавая необоснованность разделения дискурса – устной речи и текста, Т. ван Дейк описывает дискурс как коммуникативное действие, которое может быть и речевым и письменным. И, хотя дискурс в подобном понимании и обладает и невербальными характеристиками, Т. ван Дейк концентрирует свое внимание на тексте, рассматривая его как ключевую составляющую дискурса. Однако данная позиция также влечет за собой некоторые сложности. Одной из основных сложностей в данном ряду является тот факт, что в научном сообществе отсутствует единое мнение относительно природы текста. Разные ученые выделяют разные отличительные черты текста как основополагающие и оспаривают признаки текста, выделяемые другими учеными. Что, в работе «Текст и его понимание», и делает Е. С. Кубрякова. «Про целый ряд текстов, – пишет она, оспаривая точку зрения И. Р. Гальперина, – мы можем сказать, что они так и не были завершены авторами и остались незаконченными; нередко текст отдельного стихотворения завершается многоточием, предполагающим, очевидно, что окончание стиха следует додумать. Наряду с письменными текстами можно, по всей видимости, выделить и тексты устных выступлений (про них часто говорят “текст доклада / сообщения / речи и т.п. так и не был опубликован”), а также тексты, записанные на звукозаписывающей аппаратуре и предназначенные для прослушивания. Далеко не у всех текстов есть заголовки (отдельные стихотворения, рекламные тексты, объявления, анонсы). Наконец, не все тексты могут быть представлены в виде последовательности сверхфразовых единств – во всяком случае, если признавать, что и надписи типа “Вход воспрещен” или “Рвать цветы категорически запрещается” тоже являют собой особые тексты» [11]. То есть, исследователи-языковеды еще не пришли к единому мнению относительно природы текста и того, какое значение должен нести в себе сам термин «текст», однако, несмотря на это, некоторые ученые предлагают использовать данный термин для пояснения сущности дискурса. Подобный подход является весьма спорным, так как одно неоднозначное понятие никоим образом не может прояснить другое неоднозначное понятие.

Кроме того, существует точка зрения, в соответствии с которой дискурс понимается как «текст или речь + ситуация общения». Дискурс в подобной интерпретации представляет собой сложную коммуникативную ситуацию, а письменный текст, устная речь и невербальные (экстралингвистические) факторы являются его равноправными компонентами. Рассматривая данную позицию относительно определения сущности дискурса, М. Л. Макаров отмечает, что она удобна тем, что в ней «подчеркивается обобщающий характер понятия дискурс, снимается всякая ограниченность признаками монологический/диалогический, устный / письменный» [13, с. 59], что позволяет в полной мере передать сложный характер исследуемого понятия.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать некоторые выводы по отношению к определениям дискурса, данными в русле коммуникативно-деятельностного подхода. Итак, такие ученые как Н. Д. Арутюнова дают определения дискурса через его составляющие, т.е. «текст связной речи». Подобный подход можно считать не совсем удачным. Во-первых, попытка отождествления дискурса со «связным текстом» некорректна, так как любой текст является связным, но, при этом, совершенно необязательно является дискурсом, т.е. недостаточное внимание в дефиниции уделяется внесловесным факторам коммуникации. Во-вторых, определение родового понятия через видовое, в принципе, упрощает определяемое. Так, в случае определения дискурса, ключевым для понимания становится понятие «текст», тогда как «ситуация общения» и «событийный аспект», также присутствующие в рассматриваемых определениях, отходят на второй план, при том, что они играют роль равную тексту в формировании дискурса. Без текста дискурс быть не может. Но также не может его быть и без ситуации. В-третьих, в данных определениях никак не обговаривается соотношения понятия «речь» с текстом и дискурсом. Мы считаем, что наиболее удачными определениями дискурса являются те, в которых отношения понятий «текст» и «ситуация» являются гипонимическими по отношению к общему гиперониму «дискурс».

Таким образом, наиболее подходящими для столь сложной сущности как дискурс мы считаем следующие родовые понятия «коммуникативное событие», «коммуникативное явление» и «коммуникативная ситуация», присутствующие в определениях, предложенных Р. А. Каримовой, А. Е. Кибрик и В. Е. Чернявской. Видовые признаки дискурса, тем не менее, наиболее полно и разносторонне перечислены в определении В. С. Григорьевой. Данное определение концентрирует внимание на «дифференциальном многообразии картины мира» [3, с. 11] участников, на широком множестве экстралингвистических, т.е. культурных и социальных составляющих дискурса, которые являются центральными признаками, отграничивающими дискурс от других лингвистических понятий.

Поэтому придерживаясь точки зрения вышеперечисленных исследователей, мы предлагаем определять дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее типизированную ситуацию социального взаимодействия, участников социального взаимодействия, социальные нормы и конвенции, культурологические представления и формы, воплощающиеся в процессе взаимодействия в неких лингвистических конструкциях и закрепляемые в тексте.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136-137.
2. Белозерова Н. Н. Парадоксы дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No13/text04.htm> (дата обращения: 19.09.2015).
3. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 308 с.
5. Дискурс. Три подхода к определению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://yazykoznanie.ru/content/view/60/249/> (дата обращения: 02.08.2015).

6. **Зотов А. Ф.** Современная западная философия. Изд-е 2-е. М.: Высшая школа, 2005. 781 с.
7. **Карасик В. И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5-20.
8. **Каримова Р. А.** Семантико-структурная организация текста (на материале устных спонтанных и письменных текстов). Уфа: Изд-во БашГУ, 1991. 156 с.
9. **Кибрик А. Е.** Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. 280 с.
10. **Красных В. В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001. 270 с.
11. **Кубрякова Е. С.** О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 18.09.2015).
12. **Ловцевич Г. Н.** Кросскультурный терминологический словарь как средство репрезентации терминологии гуманитарных наук. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 264 с.
13. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
14. **Михалева О. Л.** Дискурс как объект исследований [Электронный ресурс]: курс лекций. URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material13/> (дата обращения: 03.08.2015).
15. **Филипп Л. Дж., Йоргенсен М. В.** Дискурс анализ. Теория и метод / пер. с англ. Изд-е 2-е, испр. Х.: Гуманитарный Центр, 2008. 624 с.
16. **Фуко М.** Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.
17. **Чернявская В. Е.** Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов, 2001. С. 11-22.
18. **Якобсон Р.** Тексты, документы, исследования / отв. ред. Х. Баран, С. Гиндин. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. 918 с.
19. **Fiske J.** Television Culture. L. – N.Y.: Methuen and Co Ltd., 1987. 355 p.
20. **Harris Z. S.** Discourse Analysis // Language. 1952. No. 8. P. 1-30.

THE ANALYSIS OF DEFINITIONS OF THE NOTION “DISCOURSE” IN CONTEMPORARY LINGUISTICS

Atroshchenko Inna Gennad'evna
Far Eastern Federal University
trouillefou@mail.ru

The article examines the problem of complexity and many-sided nature of the notion “discourse”. In this connection some typical definitions of this notion for contemporary linguistics are considered. The author analyses the definitions of discourse, at the same time she believes that the most successful are those in which the relations of notions “text” and “situation” are hyponymic in relation to the general hyperonym “discourse”.

Key words and phrases: discourse; definition; term; communicative phenomenon; communicative situation; speech; text.

УДК 811.351.22

Филологические науки

Работа посвящена исследованию диалектной системы даргинского языка. Даргинский язык наиболее дифференцирован в диалектном плане в сравнении с другими дагестанскими языками. Диалектные особенности ярко выражены, в том числе на фонетическом уровне. В статье рассматриваются вопросы функционирования системы гласных в гебинском говоре даргинского языка. Исследуются вопросы долготы гласных, фарингализация, встречающиеся в ряде диалектов, но отсутствующие в гебинском говоре.

Ключевые слова и фразы: говор; диалект; фарингализация; морфонология; гласные; морфема; фонология; глоттизация; оппозиция; аблаут; чередование.

Ахмедова Патимат Насруллаевна

Дагестанский государственный педагогический университет
gadjiev82@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕБИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ©

В современном даргинском литературном языке функционируют пять исконных гласных [и, э (е), а, аь, у] и две гласные [о, ы], вошедшие с русскими заимствованиями [1].

В гебинском говоре не представлены долгие гласные, специфические фарингализованные, встречающиеся в ряде диалектов даргинского языка, кроме фарингализованного [аь]. Долгие гласные, довольно широко представленные в ряде диалектов, играют важную роль в фонетической и морфонологической системе даргинского языка. Они являются как звуковыми единицами, так и морфемными компонентами [2].

В отличие от гебинского говора, где долгота гласных вообще отсутствует, в уркарахском говоре муиринского диалекта имеет место ярко выраженная долгота гласных. Например: